Когда выпускаются книги, подобные рецензируемой,— красивые, солидные, посвященные искусству, которое любит и понимает широкий читатель, книги, рассматриваемые специалистами как следующая ступень в изучении вопроса,— это всегда событие. Поэтому так важно, чтобы содержащийся в таких изданиях материал подавался с полным сознанием ответственности автора как перед читателем, так и перед предметом, которому они посвящены.

Глубокое восхищение искусством среднеазиатской вышивки, в которой проявился художественный гений многих поколений создательниц непревзойденных образцов, не позволило мне обойти молчанием многочисленные ошибки, которые обнаруживаются при внимательном чтении книги Н. Исаевой-Юнусовой. Поскольку работ о среднеазиатских вышивках мало, высказанные ею ошибочные положения могут привести к укоренению и распространению ряда неверных представлений об этой отрасли народного искусства.

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Е. М. Мелетинский. Палеоазиатский мифологический эпос. Цикл Ворона. М.: Наука, 1979. 228 с.

Серия «Исследования по фольклору и мифологии Востока», издаваемая с 1969 г. Главной редакцией восточной литературы, пополнилась еще одной[1] книгой Е. М. Мелетинского, признанного знатока и теоретика архаических форм фольклора. Новая работа ученого представляет собой систематический обзор и анализ мифов, сказок и эпических сказаний о Вороне — культурном герое и плуте, мифологическом персонаже фольклора Чукотки, Камчатки и Аляски.

К данной теме Е. М. Мелетинский уже обращался[2], но столь развернутая ее разработка предпринята им впервые. Автор не ограничивается историческим и типологическим анализом мифологического эпоса о Вороне, хотя уже сам по себе один этот анализ представляет исключительный интерес. Он обращается к проблеме древнейших этнокультурных связей Азии и Америки. Внимание к этой проблеме за последние годы заметно возрастает как среди советских, так и среди зарубежных ученых. Культурное родство упомянутых регионов уже не вызывает сомнения, но до сих пор, как известно, нет безупречных доказательств их генетического родства. Поэтому для исследователей чрезвычайно интересны любые аналогии, тем более мифологические, свидетельствующие в пользу существования древнейших связей между американским Севером и Северо-Восточной Азией.

Изучение вороньего эпоса на двух континентах тесно связано с разработкой этногенетических проблем этих регионов. В этом нас еще раз убеждает обширное (с. 7—12) введение к рецензируемой книге. Опираясь на выводы и гипотезы исследователей азиатского Севера (В. П. Алексеев, Р. С. Васильевский, И. С. Вдовин, И. С. Гурвич, Н. Н. Диков, Г. А. Меновщиков, Ю. Б. Симченко и др.), Е. М. Мелетинский высказывает свое суждение о древнейших связях Азии и Америки, авторитетное мнение специалиста по архаическим формам фольклора.

В первых шести главах книги автор, обращаясь к конкретным версиям мифов и сказаний о Вороне в фольклоре палеоазиатов и индейцев, прежде всего опирается на материал, собранный классиками палеоазиатоведения В. Г. Богоразом и В. И. Иохельсоном, а также американским этнографом Ф. Боасом, которым еще в начале XX в. была проведена систематизация вороньих мифов у американских индейцев и эскимосов. В полной мере использованы Е. М. Мелетинским также записи других отечественных и зарубежных исследователей: Б. О. Долгих, С. Н. Стебницкого, К. Осгуда, А. Рут и др. В книге анализируются также записи, сделанные самим автором в поселках Рекинники и Карага Корякского национального округа во время экспедиции 1976 г.

Обзор палеоазиатского вороньего эпоса начинается с мифов чукчей (гл. 1). Хотя чукотская мифология, испытав сильное воздействие эскимосского фольклора и общесибирской шаманской мифологии, в меньшей мере сохранила сюжеты сказаний о Вороне, Е. М. Мелетинский отводит ее описанию и анализу значительное место, поскольку имен-

---

[1] В 1976 г. в этой серии вышла книга Е. М. Мелетинского «Поэтика мифа».

[2] См. следующие работы Е. М. Мелетинского: Сказание о Вороне у народов Крайнего Севера.— Вестник истории мировой культуры, 1959, № 1; Структурно-типологический анализ мифов северо-восточных палеоазиатов (Вороний цикл).— В кн.: Типологические исследования по фольклору. М., 1975.

но в ней сохранился древнейший пласт — мифы творения, в которых Ворон выступает в роли демиурга: создает свет, небесные тела, людей, животных.

Перечисленные сюжеты, составляющие древнейший фонд вороньих мотивов, являются общими для Азии и Америки. Забегая вперед, заметим, что мы согласны как с выводами Е. М. Мелетинского о палеоазиатских корнях вороньего эпоса, так и с его гипотезой относительно генетического сходства мифов творения на обоих континентах, поскольку столь архаичные мифы едва ли могли распространяться путем простого заимствования.

В отличие от чукотских вороньих мифов в корякско-ительменском фольклоре (гл. 2) отсутствуют мифы о творении, хотя Ворона в нем называют Творцом. Коряки сохранили только реликты мифов творения: миф о добывании пресной воды, о регулировании погоды и пр. В фольклоре коряков и ительменов Ворон — прежде всего первопредок и первый шаман. Вокруг Ворона сфокусирована большая часть их фольклора. Для изучения структуры сюжетов корякско-ительменского вороньего эпоса Е. М. Мелетинский проводит дифференциацию жанровых разновидностей сказок, а затем составляет схемы, иллюстрирующие развертывание повествовательной структуры мифологических анекдотов о Вороне у коряков, а также парадигматический и синтагматический анализ их сюжетной структуры (схема 1, с. 54; табл. 2, с. 56—57). Сопоставив корякские и ительменские варианты повествований, записанные разными исследователями, он высказывает предположение об архаичности исходного корякского текста (с. 79). В то же время, принимая во внимание гипотезу об этнолингвистической гетерогенности ительменов, о более раннем проникновении протоительменов на Камчатку и об ительменском характере имени Кутх (ительм. 'ворон'), он склонен допустить «особую роль протоительменского начала в формировании вороньих сказаний» (с. 193), но при этом категорически отвергает гипотетический вариант о прямом заимствовании у ительменов вороньих мифов коряками и чукчами.

Подводя итог обзору мифологических представлений палеоазиатов чукотско-камчатской группы, Е. М. Мелетинский следующим образом определяет место Ворона в их мифологической системе: «Племенной первопредок, культурный герой и первый шаман» (гл. 3, с. 94). В отличие от небесного божества, моделирующего макрокосм, Ворон моделирует микрокосм, т. е. человеческую общину, и, кроме того, выполняет функцию медиатора между мирами.

Анализируя мифические сюжеты о Вороне в фольклоре эвенков, юкагиров, эскимосов и алеутов (гл. 4), автор приходит к выводу о заимствовании этими народами вороньего эпоса из фольклора палеоазиатов. Более подробно останавливается он на эскимосских вариантах (рассматривается фольклор эскимосов, живущих по обе стороны Берингова пролива). В общей массе фольклора эскимосов сказания о Вороне занимают скромное положение (эскимосский фольклор знает несколько вариантов мифов о добывании света, рассказ о пребывании Ворона во чреве кита и др.), тем не менее автор уделяет эскимосским вариантам значительное внимание. Это связано с тем, что существуют две противоположные точки зрения об оригинальности эскимосских сказаний о Вороне: В. Г. Богораз и В. И. Иохельсон считали их целиком заимствованными, а А. М. Золотарев — центральным мифом древнеэскимосской культуры. Показав, что варианты, записанные у американских эскимосов, совпадают с версиями индейцев, а записанные у азиатских эскимосов обнаруживают близость к чукотским версиям, автор высказывает точку зрения, что «мифы о Вороне не являются основной частью эскимосского фольклора, и нет данных считать, что они занимали центральное место в эскимосских традициях в прошлом» (с. 103—104). Тем не менее он не исключает того, что часть вороньих мифов восходит к одному источнику.

На американской стороне хранителями вороньих мифов являются северные атапаски и индейцы северо-западного побережья. Разбору и изучению типологии их вариантов сходных и оригинальных сюжетов о Вороне посвящены главы 5 и 6. Повсеместно у аляскинских индейцев Ворон сохраняет черты культурного героя и трикстера. Некоторые сюжеты их мифов, как, например, сюжет об освобождении рыбы и начале рыболовства, объединяют фольклор атапасков с фольклором северо-западных индейцев, другие сюжеты сохранились лишь у определенных племен. В целом автор находит возможным сближать состояние этой фольклорной традиции у атапасков и чукчей, а вороний эпос северо-западных индейцев с фольклором коряков и ительменов. Е. М. Мелетинский настаивает на признании на-денеязычных индейцев (атапасков, тлинкитов, хайда) коренными носителями вороньего эпоса на Американском континенте, а наличие сходных сюжетов в фольклоре других индейских племен и эскимосов считает скорее результатом заимствования.

В главе 7 автор ставит перед собой задачу «охарактеризовать структуру вороньего фольклора как типическую структуру мифов творения, мифологических анекдотов, героических мифов и т. п.» (с. 144). Он выделяет и сравнивает основные мотивы мифов, главным образом о культурных деяниях Ворона-добытчика. На 33 схемах сюжетная структура мифов представлена в виде взаимосвязанных и взаимопересекающихся семантических звеньев, которые в свою очередь разложены на семантические множители, микроструктуры и микрозвенья.

Методика структурного анализа, разработанная К. Леви-Строссом и используемая автором, едва ли в данном случае себя оправдывает. Чрезмерно усложненная форма и терминология, излишнее увлечение поисками глубинных семантических оппозиций — все

это не способствует лучшему восприятию материала, а главное, оказывается нерезультативным, так как практически не добавляет ничего нового к выводам, к которым приходит Е. М. Мелетинский в других разделах книги.

Вороний эпос строго держится в границах Камчатка — Чукотка — Аляска. Е. М. Мелетинский утверждает, что за этими границами можно говорить лишь о типологических параллелях (с. 143). Глава 8 содержит примеры типологических параллелей, выявленные автором. По всей Северной Америке, например, в сходных вариантах распространены мотивы похищения огня и света, мотив потопа с последующим добыванием земли ныряльщиком и др. В Сибири типологических параллелей вороньему эпосу автор видит меньше, хотя и находит таковые в финно-угорском и особенно в самодийском фольклоре. Близкой параллелью вороньему эпосу он считает также цикл сказок о герое, который по-разному называется у разных сибирских народов: у ненцев — это Иомпа, у селькупов — Ича, у нганасанов — Дяйку и т. д. Все эти циклы можно отнести к реликтовым, типологически сходным с вороньими мифами.

Как известно, ворон играет заметную роль в мифологии и фольклоре различных народов мира, но в большинстве случаев мифологизация ворона опирается на некоторые его зоологические свойства. В роли подлинного культурного героя он выступает только в мифах народов Чукотки, Камчатки, Аляски. Сходство сюжетов и мотивов в рамках вороньего фольклора всех этнических традиций этого региона значительно большее, чем в рамках остальных эпосов. Этот и другие факты, изложенные в книге Е. М. Мелетинского, решительно склоняют в сторону предположения о вороньем фольклоре как общем древнем наследии народностей указанных областей. Автор признает, что при нынешнем уровне знаний пока не представляется возможным указать точно, когда, где и в какой конкретной этнической среде зародился вороний эпос, и что любые суждения по этому поводу могут быть лишь приблизительными и схематичными (с. 191). Опираясь на приведенные в шести главах материалы, он пытается выдвинуть некоторые гипотезы относительно исторического развития вороньего фольклора и дифференциации этнических версий (гл. 9).

Итак, общее сопоставление вороньих мифов палеоазиатов и индейцев приводит к убеждению в их единстве. Автор справедливо оговаривается, что, когда мы заводим речь об истоках вороньего эпоса, необходимо иметь в виду не современные этнические подразделения, а более общие и древние. Иными словами, воронья мифология скорее всего зародилась не в среде нынешних палеоазиатов и индейцев на-дене; она, видимо, связана с этническими элементами, которые были лишь компонентами соответствующих этнических групп и, более того, могли на том или ином этапе войти в состав носителей других языковых семей, в том числе эскоалеутской.

Первоначально, по предположению автора, мифы о Вороне — культурном герое зародились во фратриях и родах, носивших его имя и считавших его тотемным первопредком, причем эти фратрии и роды могли возникнуть ранее ныне существующего этнолингвистического разделения. Явные или реликтовые черты, свидетельствующие о существовании вороньих фратрий, обнаруживаются как у аляскинских индейцев, так и у палеоазиатов чукотско-камчатской группы. Разумеется, можно сомневаться и даже оспаривать отнесение к древнейшему фонду мотивов проявления Вороном шаманских способностей, как, впрочем, можно сомневаться в архаичности сюжета о пребывании Ворона во чреве кита. Однако эти предположения не противоречат уже утвердившемуся мнению о существовании в палеолите шаманских представлений и ритуала инициации (проглатывание и выплевывание Ворона китом символизирует этот ритуал).

В целом состав и облик выделенного Е. М. Мелетинским общего для Азии и Америки древнейшего фонда вороньих мотивов служит, на наш взгляд, довольно убедительным основанием для выводов об общепалеоазиатских корнях вороньего эпоса и о перенесении этой фольклорной традиции в Америку предками на-денеязычных народов (около 10 тыс. лет назад). Частично эти выводы, правда, уже делались ранее Е. М. Мелетинским, но теперь благодаря его огромной работе по систематизации и обобщению уже известных и новых фольклорных материалов они становятся более убедительными и весомыми.

В целом, оценивая новую работу Е. М. Мелетинского, нельзя не отметить, что это по-настоящему глубокое и интереснейшее исследование. Такой серьезный анализ одного из самых архаичных эпосов предпринят, как уже отмечалось, впервые, и, хотя тема еще полностью не исчерпана, следует ожидать, что сделанные автором обобщения и высказанные гипотезы ускорят окончательное решение одной из сложных и волнующих проблем современной науки.

Г. И. Дзенискевич